

Поль по-прежнему лежал, припав к земле за горой мусора.

Он не знал, как именно остановился, — он знал лишь, что в двадцати шагах от него на пороге сидел его сын, повернувшись лицом туда, откуда должен был вернуться отец.

Двадцать шагов.

Ему нужно было всего лишь добежать, чтобы прижать это маленькое тело к груди.

А потом?

Тогда слова ублюдка Грифина стали бы реальностью.

Его бы схватили.

У него отобрали бы то золото, а Карлсон казнил бы его по любому обвинению, тогда как Лэанна, его жена, после этого была бы официально объявлена вдовой.

Поль видел участь других вдов — всех, кроме Марты.

На руднике ни одна женщина не могла выжить в одиночку.

Их записывали в графу «бесхозное имущество», переходящее в собственность сэра Варела. А затем сэр сдавал их в аренду — на ночь, на день, на любых условиях для того, кто мог заплатить.

Мешок руды за ночь, половина черного хлеба за стражу часа. В аренду тем мужчинам, что слишком долго томились в забоях, в аренду зеленоглазым одиноким каторжникам, в аренду всякому, кто был способен выложить цену.

Ему доводилось видеть женщину, которую за один день сдали в аренду семнадцать раз.

Когда в конце концов ее вынесли наружу, ее глаза все еще были открытыми, но она уже не шевелилась. Поль никогда в жизни не смог бы забыть тот взгляд.

Двадцать шагов.

Полю достаточно было побежать туда, чтобы превратить все это в кошмарную явь.

Лишь глубокой ночью, когда дверь лачуги наконец закрылась, Поль, подобно умирающей

отродясь дикой собаке, продолжил рыться в отбросах в поисках пищи.

От кучи отбросов разило так, что человека буквально сбивало с ног, но этот запах он вдыхал уже больше двадцати лет и давно перестал замечать.

Поль шарил обеими руками в грязи, пока не нащупал что-то черное — мягкое, источающее кислый смрад, с налипшими объедками овощной зелени и угольной пылью.

Поль сунул находку прямо в рот, но не успел он ее проглотить, как у самого уха раздался голос:

— Эй...

Поль замер.

Голос долетал сверху, с верхушки мусорной кучи, и Поль медленно поднял голову.

Он увидел пару глаз.

Эти глаза светились в темноте — тусклые, мутные, похожие на два догорающих уголька, после чего он разглядел владельца глаз.

То был Громила.

Поль знал его.

Точнее говоря, в Горнорудном районе Черного Дракона не было никого, кто бы его не знал.

Громила прибыл с севера, и поговаривали, будто прежде он был рыцарем из какого-то древнего королевства. Как же называлось то королевство? Вроде бы оно происходило из тех же мест, что и Пики Метели?

Поль знал лишь то, что от тех мест давно ничего не осталось.

Каторжники между собой звали его Упрямцем — вовсе не за то, что он затевал ссоры, а за то, что никогда не склонял голову.

Вот уже три года он работал на руднике, но еще ни разу не встал на колени.

Кто-то как-то раз спросил его, как его зовут, и Громила ответил.

Но имя оказалось слишком длинным и мудреным, и никто не смог его запомнить. Поль помнил лишь, что в этом имени было что-то вроде приставки «де», напоминавшей начало какого-то древнего заклинания.

Карлсон не любил этого человека.

С самого первого дня, как появился Громила, Карлсон жаждал его сжить со свету.

Не убить сразу — это было бы слишком легко и шло вразрез с порядками.

А именно изводить медленно, томить изо дня в день, заставляя Громилу согнуться под ударами плетей, принуждая его, как и всех остальных, опуститься на колени и молить о пощаде, чтобы он тоже научился выговаривать четыре заветные слова: «пощадите, господин».

Но Громила не вставал на колени.

Он предпочитал висеть на дыбе, но не сдавался, из-за чего подвергался самым жестоким истязаниям.

Громиле всегда доставалось втрое больше работы, чем другим, и вдвое меньше пайка. Каждый месяц неизменно наступали дни, когда его выносили из забоя сплошь покрытого кровавыми ранами.

Но назавтра он снова появлялся у входа в шахту и, не проронив ни слова, взваливал на плечи руду.

На этот раз его подвесили.

На открытой площадке посреди рудника возвышалась пыточная рама, предназначенная специально для публичных наказаний.

Два деревянных столба и одна перекладина, к которой крепились железные цепи, а на цепях висел человек.

Громила был подвешен именно там: запястья связаны вместе, носки ног едва касались земли, а все его тело выгнулось натянутым луком.

Карлсон держал его подвешенным уже три дня.

Без воды, без еды — вот так просто висеть. На всеобщее обозрение, чтобы каждый видел, какая участь постигает тех, кто отказывается склонить голову.

И в этот миг те самые глаза смотрели прямо на него.

Никаких мольбов о помощи, никаких стенаний и даже без малейшего признака узнавания, кто он такой. Просто смотрели — как взгляд зверя, слишком долго томившегося в клетке, где в глубине глаз все еще тлели два огонька: непонятно отчего, но они продолжали гореть.

Полю следовало уйти.

Во рту у него все еще лежала та черная масса, которую он так и не проглотил. Он раздобыл еду. Он мог тихонько уползти, скрыться в своем тайном укрытии-трещине и продолжать ждать своего рыцаря.

Согнувшись в три погибели, он сделал шаг назад.

Те глаза по-прежнему следовали за ним взглядом.

Более чем двадцатилетняя лямка раба-хворостинки превратила сердце Поля в камень.

Он слишком часто видел умирающих перед ним людей, слишком насмотрелся на тот самый особый взгляд, с которым люди просили о помощи, — и всегда проходил мимо, потупив взор.

Лишь оставаясь слепым, глухим и равнодушным, можно было выжить.

Но на этот раз всё было иначе.

Поль сам не понимал, зачем он пополз туда.

Лунный свет был тусклым, а на смену караула отводилось времени ровно в одну палочку благовоний.

Припав к земле, Поль, словно змея, скользил сквозь тени, проплывал мимо сгнивших брелок и ржавых листов железа, пока не добрался прямо под подножие виселицы.

Глаза Громилы шевельнулись; при ближайшем рассмотрении он выглядел куда страшнее, чем представлялось Полю.

Запястья прорезало железо цепей вплоть до костей, запекшаяся кровь черно-красной коркой застыла на коже и мясе.

Его лицо покрывала пыль, губы потрескались, как земля в засуху, и из трещин сочилась сукровица. А шрамы на теле превратились в многослойные коросты, наслаивающиеся друг на

друга так причудливо, что издали это походило на латы.

Но он по-прежнему держал голову высоко поднятой.

Поль вытащил из-за пазухи ту самую половину черного куска еды — ту самую половину, которую пожалел доест сам, — и, привстав на цыпочки, сунул ее в рот Громиле.

Глаза Громилы мгновенно расширились.

В его горле вырвался невнятный хрип, зато два почти угасших огонька в глубине глаз неожиданно ярко вспыхнули.

Поль прижал палец к собственным губам, призывая знаком к тишине.

И тут до него донеслись шаги, от которых кровь у Поля застыла в венах.

Не раздумывая ни секунды, он сжался в комок и нырнул в узкую тень у основания виселицы.

Шаги приближались. Из-за угла вышла фигура человека, державшего в руке ручной фонарь.

То был один из подручных Карлсона, мелкий надсмотрщик по имени Генрип. Лицом он походил на лошадь, а его глаза вечно казались прищуренными.

Он остановился перед виселицей и посветил фонарем в лицо Громиле.

— Все еще жив? Какая живучая тварь.

Громила с закрытыми глазами не шевелился.

То, что было во рту, он, судя по всему, уже проглотил, и при тусклом свете его лицо казалось изваянием из камня.

Ни единой эмоции, ни движения, казалось, даже дыхание его замерло.

Генрип постоял еще немного, после чего зевнул.

— Помучайся еще, посмотрим, сколько дней ты протянешь.

Он развернулся и ушел, помахивая фонарем.

Свернувшись в тени, Поль слушал, как скрипучие шаги постепенно затихают вдали.

Он выждал изрядное время, до тех пор пока не обрел уверенность, что шаги больше не вернуться, и лишь тогда осторожно вылез наружу.

Громила открыл глаза и посмотрел на него.

Свет в его глазах горел теперь чуть ярче, чем прежде.

Он шевельнул губами, и из горла вырвался лишь хриплый выдох, однако по движению рта Поль легко прочитал беззвучные слова:

— Спасибо.

Поль не произнес ни звука в ответ, лишь молча кивнул ему, а затем бесшумно двинулся в обратный путь тем же путем.

Вернувшись в чашу, Поль внезапно вспомнил про татуировку глаза на своем предплечье.

Тот голос когда-то предупреждал его: он сможет воззвать о помощи лишь единожды.

Первый раз — без всякой платы.

Полю нужно было всего лишь окликнуть его.

Стоило лишь крикнуть, и эта сущность явится на помощь.

Он сумел бы спасти себя, смог бы с чистой совестью вернуться в лачугу и обнять Лорена.

А потом?

Тогда Поль превратился бы в человека другого сорта — в того, кто при малейшей трудности бежит с криками о помощи, кто вечно уповает на других, кто проводит всю жизнь на коленях.

Тот голос предупреждал: хорошенько подумай, прежде чем воспользоваться этим. Стоит ли оно того на самом деле. Наступил ли действительно крайний предел.

Разве это крайний предел?

спросил себя Поль.

Он был жив, он мог ползать, мог ждать, у него оставалось еще больше десятка дней.

Если даже ради столь незначительных мелочей просить о помощи посторонних, если не удастся вынести голод и боль нескольких дней, то на что он вообще способен?

Тот рыцарь из неведомого древнего королевства, висевший на дыбе трое суток, с запястьями, протертыми до костей, с потрескавшимися от засухи губами, — умолял ли он о пощаде?

Нет.

Лорен, сбитый с ног ударом кулака Грифина, с кровью, сочившейся из уголка рта, — плакал ли он?

Нет.

Ни один из них не кричал.

Никто из них не проливал слез.

Они просто продолжали смотреть в темноту, уставившись на ту дорогу, которая никогда не приводила к счастливому исходу.

Поль опустил рукав, скрывая под ним татуированный глаз.

Однако он и ведать не ведал, что этот его добрый поступок со временем обретет для семьи Отавис значение едва ли не тотемного защитника — Сияющего Рыцаря, Дольфа Дехилрса.

<http://bllate.org/book/19072/1873301>